

Охотничий промысел коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях постсоветской трансформации (1990—2010)

Вадим Анатольевич Тураев,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

В статье рассматриваются особенности трансформации охотничьего хозяйства коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях становления рыночной экономики. Проанализирован переход охотничьего промысла из сферы традиционной экономики, к которой он принадлежал в годы советской власти, в область частного предпринимательства. Показаны региональные особенности этого процесса, специфика управления охотничьим промыслом в новых условиях, охарактеризованы современное состояние охотничьих хозяйств различных организационно-правовых форм, а также проблемы, с которыми сталкиваются коренные народы в сфере использования промысловых ресурсов. Продемонстрировано, что в результате непродуманного реформирования прекратили существование крупные охотхозяйственные предприятия, сократилось количество охотников-профессионалов, уменьшилось финансирование охотхозяйственных мероприятий, выросло браконьерство, многие охотники из числа коренных народов лишились своих промысловых участков, охотничье хозяйство перестало рассматриваться как сфера материального производства с её социально-экономическими проблемами. Дана оценка современному российскому законодательству в сфере охотничьего хозяйства, критически оцениваются многие положения федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов...», принятого Государственной думой в 2009 г. На основе проведённого анализа сделан вывод о том, что в результате осуществлённых реформ охотничья деятельность коренных народов в качестве отрасли их традиционного хозяйства стала невозможной. Доказывается, что сформированные условия ведения охотничьего промысла противоречат жизненным потребностям коренных народов Дальнего Востока, лишают их возможности осуществлять традиционную хозяйственную деятельность в сфере охотничьего промысла.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Дальний Восток, охотничье хозяйство, федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов...».

Hunting by the Indigenous Peoples of the Far East during the Post-Soviet Transformation (1990–2010)

Vadim Turaev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

The paper examines the features of the transformation of the hunting industry of the indigenous peoples of the Far East during the formation of market economy. The author analyzes the transition process of hunting from traditional economy, as it was during the years of Soviet power, into private enterprise. The regional features of this process, the specifics of hunting in new conditions, the current state of hunting farms of various organizational and legal forms, and the problems faced by the indigenous peoples are shown. As a result of ill-conceived reform, hunting enterprises ceased to exist, the number of professional hunters and the volume of financing decreased, illegal hunting increased, many indigenous hunters lost their field areas, and hunting industry was no longer perceived as a branch of material production together with its social and economic issues. The paper evaluates modern Russian legislation in the field of hunting as well as the provisions of the law “On Hunting and Preservation of Hunting Resources” passed by the State Duma in 2009. Based on the analysis, it was concluded that due to the reforms the hunting activities as a branch of the traditional economy of the indigenous peoples became impossible. The new hunting conditions conflict with the vital needs of the indigenous peoples and deprive their ability to carry out traditional economic activity in the field of hunting.

Keywords: indigenous peoples, the Far East, hunting farm, federal law “On Hunting and Preservation of Hunting Resources”.

Охота играет существенную роль в формировании занятости и жизненного уровня коренных малочисленных народов. Для эвенков, эвенов, удэгейцев, орочей, некоторых других охотничий промысел в недалёком прошлом составлял неотъемлемую часть образа жизни, определял его особенности. Значимость охоты в жизни коренных народов в разные годы была различной. В дооктябрьский период занятие охотой в таёжной зоне являлось главным жизнеобеспечивающим средством. Она давала продукты питания, материал для одежды и жилищ. По мере развития товарных отношений всё большую значимость приобретала пушнина — единственный источник денежных поступлений, формировавший качество жизни аборигенных сообществ.

Занятие охотой во многом определяло этническую идентичность. У эвенков, например, основной границей с приезжими была их профессиональная специализация — занятие охотой. До конца 60-х гг. среди охотников эвенки составляли до 90%. Этот хозяйственный «водораздел» формировал и особенности идентификации. Этническая идентификация как бы вытекала из профессиональной, дополняла её.

В современных условиях охотничье хозяйство коренных малочисленных народов переживает кризис. Анализу кризисных явлений в этой сфере традиционного хозяйства и посвящена настоящая статья.

Развитие охотничьего промысла у коренных народов Дальнего Востока в советский период шло по пути превращения индивидуального промысла в самостоятельную отрасль хозяйства со своими органами управления и регулирования. С начала 1930-х гг. он развивался в рамках колхозного производства, у эвенков, удэгейцев, орочей даже создавались специализированные охотничье-промысловые колхозы.

В конце 1950 — начале 1960-х гг. были созданы государственные и кооперативные промысловые хозяйства: госпромхозы и коопзверпромхозы. За ними закрепили обширные промысловые угодья. К середине 1970-х гг. на Дальнем Востоке работало 36 таких хозяйств, в том числе более 20 — в районах проживания коренных народов. Профессионально охотой стали заниматься оленеводческие совхозы, получившие право самостоятельно выходить с пушниной на рынок. В рыболовецких колхозах коренные народы охотились по лицензиям промысловых хозяйств как любители.

Кроме пушнины и мехового сырья промысловые хозяйства заготавливали грибы, ягоды, папоротник, берёзовый сок, орехи, черемшу, добывали рыбу на внутренних водоёмах, шили меховую одежду, изготавливали сувениры, оказывали населению различные услуги. Во многих районах действовали цеха по консервированию овощей, ягод, грибов. Заготовка и переработка продукции тайги обеспечивали работой местное население. К началу 1980-х гг. на Дальнем Востоке ежегодно заготавливалось более 800 т мяса диких животных, около 3 тыс. т ягод, 500 т орехов, более 1 тыс. т грибов, 2,5 тыс. т папоротника, 1,5 тыс. т берёзового сока, на миллионы рублей — пантов, лекарственно-технического сырья, рыбной продукции [14, с. 138—139]. Государственные закупки пушнины в районах проживания народов Севера на Дальнем Востоке составляли в 1989 г. более 20 млн руб. [9, с. 32]. Ведущее место в регионе принадлежало охотничьему хозяйству Хабаровского края, промысловые угодья которого простирались примерно на 70 млн га — 85% их общей площади. Охотой было занято до 25 тыс. чел., в таёжных сёлах она давала местному населению до 70% доходов.

Появление государственных и кооперативных промысловых хозяйств изменило характер охотничьего промысла коренных народов. На промысловых участках появились охотничьи избушки. К местам охоты промысловиков стали забрасывать механическим транспортом и авиацией, заметно улучшились условия жизни и работы в тайге.

Главным промысловым объектом в большинстве районов Дальнего Востока был соболь. На Чукотке основу промысла составляла добыча песца. В структуре товарной продукции промысловая пушнина имела небольшую долю. В совхозах охотничий промысел долгие годы являлся убыточным. Ситуация изменилась после двукратного повышения закупочных

цен на пушнину в 1983 г. Кроме того, на получаемую хозяйствами от сдачи пушнины выручку стали начислять 50% надбавку и северный коэффициент (20%). В конце 1980-х гг. совхозы начали получать часть оплаты за пушнину в валюте. Появилась возможность выплачивать штатным охотникам 100% закупочной стоимости пушнины, отпускные, снабжать их продуктами, раз в 5 лет бесплатно выделять снегоход «Буран».

С превращением пушной охоты в прибыльное дело началось вытеснение коренных народов из профессионального промысла. Штатными охотниками в промысловых хозяйствах стали работать преимущественно приезжие. Аборигены привлекались на промысел как любители или сезонные охотники. В 1990 г. в промысловых хозяйствах Хабаровского края работало всего 27 нанайцев [4, с. 87]. В оленеводческих совхозах Хабаровского края и Амурской области участие коренных народов в профессиональной охоте было более представительным.

Руководство охотничьим хозяйством осуществлялось Главным управлением охотничьего хозяйства и заповедников (Главохота) при Совете Министров РСФСР. В годы перестройки хорошо отлаженная структура стала разрушаться. В 1988 г. часть функций Главохоты перешла ко вновь образованному Государственному комитету по охране природы РСФСР. Скоро Главохота как самостоятельное ведомство вообще прекратило существование. Вместо него в 1993 г. в структуре Министерства сельского хозяйства и продовольствия был создан Департамент охотничьего хозяйства с функциями управления, надзора за соблюдением правил охоты, выдачи лицензий на добычу животных. Реорганизации подверглись управления охотничьего хозяйства в регионах: вместо них создавались комитеты, инспекции и департаменты, подчинённые различным ведомствам.

Полномочия в области охраны и использования объектов охоты то передавались субъектам РФ, то возвращались на федеральный уровень. В 2004 г. Департамент охотничьего хозяйства при Министерстве сельского хозяйства России вообще ликвидировали. Его функции распределили между вновь образованными федеральными службами и агентствами. При этом половина функций была утеряна. Контроль за использованием объектов животного мира и их охрану возложили на Россельхознадзор. Кроме функций госохотнадзора он осуществлял рыбный, ветеринарный, фитосанитарный надзор (карантин растений). Множественность функций в сочетании с плохим финансированием поставили систему управления охотничьими ресурсами и их охраны на грань разрушения. Начались длительные задержки с выплатой заработной платы, из отрасли ушли специалисты. Затем последовали новые реорганизации, в результате которых руководство охотничьим хозяйством переместилось в Министерство природных ресурсов и экологии. Позитивных перемен это не принесло, и в 2008 г. полномочия в сфере охраны и использования животного мира были переданы в субъекты РФ без надлежащего законодательного, методического и финансового обеспечения, что ещё больше осложнило ситуацию.

Государственная монополия в охотничьем промысле стала разрушаться в конце 80-х гг., чему в немалой степени способствовало новое законодательство (законы СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», «О кооперации в СССР» и др.), открывшее дорогу предпринимательству. В охотничьем промысле появились десятки частных охотпользователей. К этому подталкивала высокая стоимость соболя на международном рынке — до 200 долл. за шкурку. При средней закупочной цене в 140 руб. соболиный промысел давал в тот период очень неплохие деньги. К тому же появилась возможность продавать пушнину в зарубежные страны, самостоятельно выходить на пушные аукционы. К середине 90-х гг. в Хабаровском крае имелось 146 охотпользователей различных форм собственности, в том числе 22 национальных хозяйства коренных малочисленных народов. За ними было закреплено 92% площади охотничьих угодий края. С учётом охотников-любителей в отрасли было занято 1600 чел.

Набиравшие силу рыночные отношения оказывали воздействие и на решения местных органов власти. Так, например, малый Совет Магаданской области в принятом в 1992 г. постановлении «О повышении эффективности охотничьего хозяйства» установил распределение охотничьих участков среди физических и юридических лиц исключительно на конкурсной основе. Коренные народы к такому повороту были не готовы, многие лишались возможности охотиться на пушного и копытного зверя. Без охотугодий нередко оказывались и национальные предприятия, сформировавшиеся при реорганизации государственных хозяйств. В 1993 г. на базе госпромхозов «Ямский», «Юбилейный» и совхоза «Победа» в Магаданской области возникло восемь таких предприятий, и ни у одного закреплённых угодий не было [12].

Учредителями охотпредприятий в первые годы их формирования чаще всего являлись охотоведы государственных и кооперативных хозяйств, соблазнившиеся высокими доходами, которые давал в те годы охотничий промысел, или оставшиеся без работы после их ликвидации. Некоторые сумели закрепиться в охотничьем бизнесе, правда, без больших прибылей, большинство же было вынуждено заняться другим делом.

Новые охотпользователи работодателями не являлись. Охотники работали у них по договору, зарплату не получали, соответственно, и никаких отчислений в бюджет и пенсионный фонд за них не делалось. Главная задача охотпользователя — выкупить у государства лицензии и скупить у охотника после промысла пушнину. Всем необходимым охотники обеспечивают себя сами. Сложилась две формы реализации пушнины: сдача на комиссию и прямая реализация. В первом случае охотник получал реальную стоимость, но после аукциона. Однако такой формой пользовались немногие. Людям были нужны деньги, и чаще всего пушнину они продавали на условиях скупщика. Децентрализация заготовок пушнины вынуждала и охотпользователей реализовывать её по договорным ценам самостоятельно. Ситуацию со сбытом обостряет отсутствие на Дальнем Востоке

предприятий по переработке пушно-мехового сырья. До недавнего времени единственным рынком сбыта являлся Санкт-Петербургский пушной аукцион, однако выйти на него можно лишь с большим объёмом пушнины¹.

К началу 2000-х гг. индивидуальная частная деятельность в охотпромысле была запрещена. Преимущественное право на аренду угодий получили предприятия с необходимой производственной базой, а также местные объединения охотников, имеющие соответствующий стаж и квалификацию. Пользователями охотугодий стали национальные предприятия, общины, хозяйства различных форм собственности, возникшие на базе реорганизованных совхозов и промысловых хозяйств. Число охотпользователей сократилось. В Аяно-Майском районе Хабаровского края, например, оно уменьшилось в 3 раза — с 21 до 7. Одних арбитражный суд лишил права пользования из-за неуплаты налогов, другие обанкротились, у некоторых закончился срок действия лицензий, и их угодья передали в резервный фонд. Отказ от индивидуальной частной деятельности в охотхозяйстве правового положения охотников не изменил. В большинстве случаев даже в национальных предприятиях они работают по договору со всеми вытекающими отсюда последствиями.

К середине 90-х гг. советская система организации охотхозяйства и его управления оказалась полностью разрушена. Большинство госпромхозов, пройдя акционирование, вышли из структуры управления охотхозяйством. Был отменён государственный заказ на закупку промысловой пушнины. Резко уменьшилось финансирование природоохранных работ. Дефицит средств, выделяемых на охрану и воспроизводство охотничьих ресурсов, достиг по стране 80%. Численность государственных охотинспекторов в сравнении с 1990 г. сократилась в 20 раз. В условиях бюджетного дефицита на мероприятия по охране и воспроизводству объектов животного мира в регионах выделялось менее трети необходимых средств. В Хабаровском крае затраты на эти цели в сравнении с 1986—1991 гг. стали меньше в 12 раз. Выросли масштабы браконьерства, прекратились мероприятия по улучшению среды обитания охотничьих животных [ГАРФ. Ф. 10290. Оп. 1. Д. 544. Л. 16, 29—30].

Сократилось производство продукции охотничьего хозяйства. Существенное падение объёмов заготовок пушнины фиксировалось во всех регионах. В Корякском округе в 1990—1995 гг. заготовки соболя упали с 4841 до 751 шкурки [10, с. 49]. В целом по Дальнему Востоку в 1991—1995 гг., по сравнению с 1986—1990 гг., заготовки пушнины сократились в 2,3 раза,

¹ Альтернативная торговая площадка для реализации пушнины недавно появилась в Иркутске. Здесь зарегистрирована аукционная компания «Русский соболь». Состоялся первый Байкальский пушной аукцион, на торги было выставлено около 50 тыс. шкурок соболя. Участие в торгах приняли покупатели из США, Греции, Италии, Нидерландов и Китая. Предполагается сделать Байкальский пушной аукцион ежегодным, что, безусловно, будет способствовать развитию промысловой охоты и охотничьего хозяйства в Сибири и на Дальнем Востоке.

продукции дикорастущих — в 2,5 раза, и они продолжали уменьшаться во второй половине 90-х гг. [15, с. 139]. Падение объёмов заготовок пушнины сопровождалось снижением рентабельности. Не последнюю роль в повышении себестоимости пушнины сыграла введённая в 1990-е гг. плата за охотничьи ресурсы.

Официальная статистика не отражает реальной картины закупок пушнины, поскольку не учитывает её заготовки чёрным рынком. Отсутствие государственной скупки привело к появлению многочисленных посредников. 40% объёма пушнины реализуется неофициально, отчего государство ежегодно недополучает в виде налогов до 600 млн руб. Официальные данные заготовки пушнины на Камчатке демонстрируют едва ли 50% от фактической её добычи. В охотничий сезон 2000/2001 г. закупки соболя, по материалам статистики, составили там 3458 шкурок, а на аукционах в тот же год было продано 6478 соболиных шкур камчатского кряжа [ГАКК КФ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 57. Л. 24]. В Амурской области в 1994—1999 гг. эвенкийские хозяйства принимали ежегодно от охотников в среднем 111 соболей при фактической добыче в несколько сотен. По экспертным оценкам, у охотников ежегодно оставалось на руках до 4000 шкурок соболя, 5000 — белки, 2000—3000 — ондатры, свыше 1000 — горностая [13, с. 39].

Некоторые попытки легализовать пушной рынок принимались в первые годы реформ через возрождение системы факторий, существовавших в 1920-е гг. Фактории с торгово-снабженческими функциями и штатом охотников должны были заменить исчезнувшие совхозы и промысловые хозяйства. Реализовать идею не удалось: государство не проявило к ней заинтересованности, а без его участия сформировать такие структуры было практически невозможно. Тем не менее отдельные фактории при поддержке местных властей создавались. Одна из относительно успешных («Арка») работала в Охотском районе Хабаровского края. Ей выделялись лимиты на добычу лососей, за счёт чего она оказывала поддержку охотникам и оленеводам района. Функции факторий брали на себя некоторые предприятия различных форм собственности, которые стали аккумулировать закуп пушнины.

Наиболее пострадавшей стороной в процессе реформирования охотничьего хозяйства на Дальнем Востоке оказались охотники из числа коренных народов. На Чукотке пушная охота как отрасль хозяйства, дававшая в прошлом неплохой заработок, в связи с развалом совхозов прекратила существование. Охотой здесь эпизодически занимаются лишь любители в Билибинском районе, в округе нет даже частных охотпользователей. Пушное хозяйство, по словам зам. губернатора округа В.Ф. Алексеенко, потеряно окончательно, перспективы его восстановления очень неопределённые.

В Корякском автономном округе все госпромхозы были ликвидированы к началу 2000-х гг. На их основе возникло более 50 организаций различных форм собственности, в том числе 28 частных предпринимателей,

все с очень слабой материально-технической базой и без квалифицированных специалистов [ГАКК КФ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 97. Л. 1]. Часть угодий перевели в разряд общего пользования, промысловых участков лишились многие охотники из числа северян. Предприятия, возникшие на базе оленеводческих совхозов, интерес к охотничьему промыслу вообще потеряли.

В конкурсах на право пользования угодьями национальные предприятия и общины вынуждены участвовать на общих основаниях. В Быстринском районе Камчатки, где сосредоточена основная часть эвенов, среди 10 пользователей, которые получили в аренду охотничьи угодья, нет ни одного хозяйственного объединения малочисленных народов. Аборигены в массе своей могут охотиться только в угодьях общего пользования или по договору с частными предпринимателями на их участках. Такое право в договорах на аренду охотугодий с юридическими лицами предусматривается, но соблюдается не всегда [ГАКК КФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 34. Л. 33; Д. 40. Л. 52; 17, с. 72—74].

Основными хозяевами охотугодий на Дальнем Востоке в настоящее время являются общества охотников и рыболовов, они же аккумулируют и основной кадровый потенциал. Из 28 тыс. охотников, числящихся в 2013 г. в охотничьих организациях Хабаровского края, почти 25 тыс. состояли в обществах охотников и рыболовов [16].

В охотничьих предприятиях коренных народов работает обычно несколько человек. В Магаданской области, например, статус хозяйствующего субъекта аборигенов имели 8 из 52 охотничьих хозяйств, охотой в них были заняты 24 чел. На Камчатке по состоянию на 1 января 2010 г. было зарегистрировано 29 родовых общин и других предприятий коренных малочисленных народов. Реально работали всего несколько. Наиболее крупные по обороту продукции охоты предприятия, в которых заняты представители КМНС, — это общины «МЭМ» и «Сокол» в Тигильском районе и «Амто» в Пенжинском. Закупкой и реализацией пушнины в округе занималось ОАО «Тигильское промысловое хозяйство».

Скудные доходы от занятий охотой ведут к сокращению желающих заниматься ею профессионально. В эвенкийских хозяйствах Амурской области в 1985 г. насчитывалось 170 штатных охотников, к 2000 г. осталось 69. В Хабаровском крае в 2007—2010 гг. число штатных охотников сократилось с 335 до 251. Бывшие профессиональные охотники предпочитают охотиться как любители, чему способствуют и особенности налогообложения. Подходящий налог за сданную пушнину с любителей не удерживается. В Хабаровском крае число охотников-любителей, заключающих договоры на промысел и сдачу пушнины, колеблется в пределах 2,2—2,6 тыс. чел. [5].

Охота стала невыгодной и для местных бюджетов. Доходы от эксплуатации охотничьих ресурсов, аренды угодий, разрешений на добычу животных поступают в федеральный бюджет. Субъектам федерации идут налоги с охотпользователей, для их экономик они большой роли

не играют, отсюда и низкая заинтересованность в развитии отрасли. Некоторые меры в этом отношении принимались только в Хабаровском крае. Ещё в 1990-е гг. там был создан внебюджетный фонд охраны и воспроизводства ресурсов охотничьих животных, принят закон об охоте, что способствовало росту количества выпускаемой продукции охотничьего хозяйства. В 2010—2012 гг. она выросла с 237 млн до 275 млн руб., в том числе пушнины — с 55 до 69 млн руб.

Структура доходов от охотопромысловой деятельности претерпела заметные изменения. Сокращение прибыли от промысловой пушнины компенсируется доходами от спортивной охоты, охотничьего туризма, в том числе иностранного. В Пенжинском районе Камчатки за счёт иностранного охотничьего туризма в 1990—1992 гг. было получено 500 тыс. долл. Стоимость охотничьего тура с возможностью добыть 3 снежных баранов доходила до 30 тыс. долл. [6]. К началу 2000-х гг. в Корякском округе на иностранном охотничьем туризме специализировались 12 охотпользователей. В 2001 г. там побывало более 200 охотников из США, Канады, Польши, Японии, Германии, Норвегии, Италии, Словакии. Ими было добыто 142 медведя, 50 лосей, 9 снежных баранов [ГАКК КФ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 97. Л. 1; Д. 58. Л. 24].

Хозяйства, специализирующиеся на иностранном охотничьем туризме, существуют и в других регионах. В Магаданской области за ними было закреплено 12% площади охотничьих угодий, затраты на проведение туров выросли в 2010—2015 гг. с 4,8 млн до 18,3 млн руб., выручка от оказания услуг и реализации продукции охоты — с 6,7 млн до 20,4 млн руб. [11]. Охотничьи туры для иностранных охотников на бурого и гималайского медведя, изюбря, кабана и косулю организуют в Хабаровском крае. Коренные малочисленные народы в таком бизнесе, как правило, не участвуют.

В 1995 г. Центральное правление Ассоциации Росрыболовсоюз, объединяющее общества охотников и рыболовов, разработало Концепцию развития охотничьего хозяйства РФ. Предполагалось наделить приоритетным правом в этой сфере специализированные охотхозяйственные предприятия независимо от форм собственности, создать государственный орган по охране и регулированию использования животного мира без надделения его хозяйственными функциями. В департаменте охотничьего хозяйства, входившего тогда в состав Минсельхоза, к концепции отнеслись отрицательно, поскольку в стадии разработки находился закон об охоте и охотничьем хозяйстве [ГАРФ. Ф. 10290. Оп. 1. Д. 929. Л. 9—15].

Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был принят в 2009 г., но накопившихся проблем не разрешил. Разработанный в Министерстве природных ресурсов, весьма далёком от понимания сущности охоты как отрасли материального производства, он вызвал новые болезненные потрясения и откровенное неприятие охотников. Закон во многом противоречил ранее принятым нормативным

документам, но главное — на смену охотничьему безвластию, длившемуся почти 20 лет, пришло всевластие тугого кошелька.

С принятием закона получить охотничий участок для коренных народов стало большой проблемой. Существовавший до этого заявительный порядок предоставления, при котором они имели приоритет, перестал действовать. Традиционная охота оказалась сведена до уровня личного потребления. Право на заключение охотхозяйственного соглашения малочисленные народы могут получить на общих основаниях только по результатам аукционов. Победителями признаются те, кто предложит наибольшую стоимость. Конкурировать на этом поле национальные предприятия не могут. В результате аборигенное право на охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни, которое закон предусматривает (ст. 19), остаётся декларацией.

Получив по аукциону охотничий участок, охотпользователь должен заключить хозяйственное соглашение, для чего требуется одновременно заплатить арендную плату. Её ставки в регионах Дальнего Востока вначале колебались от 1 до 5 руб. за 1 га, позднее они были снижены, но если учесть, что большинство участков имеет площадь в несколько сотен тысяч гектаров, станет ясно, что при заключении хозяйственного соглашения их хозяева должны будут заплатить очень внушительные суммы. Таких денег у большинства нет. Предложения вернуться к заявительному порядку предоставления участков поддержки не находят.

Ситуацию пока спасает лишь то, что в соответствии с законом охотничьи хозяйства должны вносить арендную плату за пользование промысловым участком после того, как подойдут к концу хозяйственные соглашения, заключённые до его принятия. У многих лицензии на право осуществления охотхозяйственной деятельности действуют до 2032 г. После этой даты большинство будут вынуждены прекратить занятия охотой.

В регионах данный процесс уже начался. В Амурской области в 2014 г. действие долгосрочных лицензий заканчивалось у семи организаций, а заключить новое соглашение и уплатить аренду смогла только одна [7]. В Магаданской области в связи с истечением сроков хозяйственных соглашений число зарегистрированных охотничьих хозяйств сократилось с 52 до 44, количество охотников в хозяйствующих субъектах аборигенов уменьшилось наполовину. В Хабаровском крае из 56,1 млн га угодий, закреплённых в 2010 г. за охотничьими хозяйствами, на долю общин коренных народов приходилось всего 800 тыс., и даже эта весьма скромная площадь сократилась к 2013 г. на 100 тыс. га [3, с. 55]. На Камчатке в 2010 г. сроки долгосрочного пользования охотугодьями закончились у 19 предприятий коренных народов, и их дальнейшая судьба была неопределённой.

Есть и другая сторона проблемы. Национальные предприятия и общины, имеющие участки, обязаны осуществлять на них биотехнические мероприятия, а это требует затрат, нести которые они не в состоянии. В некоторых регионах на выполнение таких процедур, на аренду

охотничьих участков, заключение хозяйственных соглашений выделяют-ся субсидии. В Магаданской области в 2016 г. на эти цели было выделе-но из бюджета 700 тыс. руб. Подобная практика в других регионах нам не известна.

Возникает немало и других проблем. В связи со вступлением в силу нового Лесного кодекса РФ заключение договора аренды на лесной уча-сток стало обязательным и для сбора дикоросов. Право на него заявитель получает после аукциона. Поскольку это длительная и затратная проце-дура, большинство общин в Хабаровском крае перестали заготавливать папоротник, ягоду, грибы, которые в прошлом были важным источником существования.

Проблемы малочисленных народов, порождённые законом «Об охо-те и о сохранении охотничьих ресурсов...», были предметом обсуждения в 2011 г. в Государственной Думе. В его ходе подчёркивалось, что предос-тавление коренным народам охотничьих угодий в пользование только по итогам аукциона, установление единовременной платы за заключение охотхозяйственных соглашений при переоформлении ранее предоставлен-ных лицензий фактически лишает их возможности заниматься промыслом.

Чтобы устранить пробелы в части обеспечения прав коренных ма-лочисленных народов на занятие охотой, Совет Федерации разработал и внёс в Государственную Думу соответствующий проект федерального закона. Первоначально он получил положительный отзыв правительства, но не был поддержан государственно-правовым управлением Президен-та. Возражение вызвало предоставление субъектам РФ права определять границы и площади охотничьих угодий, по которым охотхозяйственные соглашения могли заключаться с общинами коренных малочисленных на-родов без проведения аукционов. В доработанном проекте закона возмож-ность заключения общинами охотхозяйственного соглашения без прове-дения аукциона была исключена, но сохранилась норма об освобождении общин от уплаты единовременного взноса. В мае 2012 г. в Министерстве природных ресурсов состоялось согласительное совещание по проек-ту с участием представителей Минфина РФ и Совета Федерации. Госду-ме рекомендовали принять проект в первом чтении [1], но, судя по тому, что в реализации положений закона «Об охоте и о сохранении охотничь-их ресурсов...» никаких изменений не произошло, это всё ещё не сделано.

Переход на рыночные принципы в охотничьем хозяйстве привёл, с од-ной стороны, к его натурализации, с другой — к отказу от занятий охотой вообще. На Чукотке, в Корякском округе, в большинстве районов Мага-данской области, на Сахалине охота как отрасль хозяйства прекратила су-ществование. В эвенкийских районах Хабаровского края, Амурской облас-ти, у удэгейцев Приморья она ещё сохраняет значение. К 2011 г. в местах традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Амурской области за национальными хозяйствами и общинами было закреплено 7,43 млн га. Этого достаточно для ведения промысла. Разработаны проекты

внутрихозяйственного охотустройства общин «Уриkit» и «Эвэды Октон» Тындинского района. В охотничьи сезоны 2009/2010 и 2010/2011 гг. выделенные лимиты по заготовке пушнины аборигенными хозяйствами оказались освоены в полном объёме. За два сезона было добыто 9870 шкурок соболя [8, с. 130—132].

К 2010 г. у коренных народов оставалось лишь несколько предприятий, в которых занятие охотой формировало их экономику, два из них располагались в Амурской области — ГУП «Ульген» и колхоз «Нюкжа». Созданные на базе оленеводческих совхозов, они сумели закрепить за собой (взяли в аренду) совхозную территорию до 2032 г. Занятие охотой здесь сочетается с оленеводством, строительством, заготовкой дров для сельских учреждений, торговлей. Колхоз «Нюкжа», используя факторийную систему закупки пушнины, замкнул на себя почти всю добываемую в селе пушнину. Сочетание охоты с другими видами деятельности позволяет получать небольшую прибыль.

В ГУП «Ульген» около 700 оленей, которых пасут арендаторы — бывшие совхозные оленеводы-охотники. У каждого арендатора от 20 до 50 оленей, не считая личного поголовья. Предприятие обеспечивает их палатками, спецодеждой, медикаментами, охотничьим снаряжением и ветеринарным обслуживанием. Зарплата чисто символическая — в пределах 2 тыс. руб. Основной заработок арендаторов — доход от добытой пушнины (25—30 соболей в среднем). Кроме арендаторов пушным промыслом занимаются штатные охотники — они работают только в сезон охоты, но ГУП «Ульген» заводит на них трудовые книжки, производит все необходимые по закону отчисления. Всю добытую пушнину они обязаны сдавать предприятию. Кроме арендаторов и штатных охотников промыслом занимаются любители. По договору с предприятием они сдают ему в зависимости от размеров охотничьего участка 5—10 соболей. Всего в штате ГУП «Ульген» 38 чел.: 20 арендаторов, 12 штатных охотников, 6 чел. управленческого персонала. Вся пушнина поступает на аукцион через Амурскую промышленную компанию, которая часть выручки за услуги оставляет себе. При сдаче пушнины охотники получают аванс в размере половины стоимости. Окончательный расчёт осуществляется после аукциона. Средняя цена соболя по итогам аукциона достигает 5 тыс. руб. На охоту арендаторы, штатные охотники и любители уходят, как правило, с оленями.

Товарный характер в регионе носит лишь добыча пушнины. Охота на диких животных в большинстве случаев спортивная и любительская. В Хабаровском крае мясо диких копытных от охотников-любителей в ограниченном количестве (4—7 т) эпизодически покупают некоторые охотхозяйства. Отдельные охотники самостоятельно продают мясо в больницы, детские учреждения, постоянным клиентам из числа односельчан. Официальные заготовки мяса копытных не ведутся из-за убыточности. Нерентабелен без других видов деятельности и пушной промысел. Доходы от него не покрывают расходов охотника. Обратной стороной такой ситуации

является браконьерство. Экономическая значимость охоты сводится в основном к возможности получить в условиях массовой безработицы «живые деньги». Во многом по этой причине добыча и соответственно закупки соболя на юге Дальнего Востока увеличиваются. Если в 2007 г. в Хабаровском крае было заготовлено 39,1 тыс. шкурок, то в 2009 г. — 45,5 тыс. На 3—4% растёт ежегодно средняя закупочная цена шкурки соболя [5].

Относительно успешный опыт развития охотничьего промысла в ГУП «Ульген», некоторых других хозяйствах свидетельствует о том, что предприятия могут быть экономически устойчивыми, лишь развивая многоотраслевое хозяйство. В «Ульгене», как уже говорилось, занятие охотничьим промыслом идёт рука об руку с оленеводством, которое в известной степени поддерживается государством, с оказанием услуг в жилищном строительстве. К сожалению, вести комплексное хозяйство большинство национальных предприятий не в состоянии, и потому рано или поздно они прекращают деятельность. По данным Министерства природных ресурсов Хабаровского края, в 2010 г. охоту основным видом хозяйственной деятельности при регистрации указало 6 общин из 190, реально ею занимаются всего 3: НКХ (национальное коллективное хозяйство) в Ванинском районе, ТСО «Удэ» в районе им. Лазо и РО «Юктэ» в районе им. П. Осипенко. Общая площадь охотничьих угодий, предоставленных им в пользование, составляет 1,3 млн га.

Учредителями общин выступают чаще всего члены одной семьи, родственники. Иногда в состав учредителей входят организации, реализующие охотничью продукцию на аукционах. Так, например, среди учредителей промыслово-олeneводческой общины «Маймакан» в Аяно-Майском районе Хабаровского края есть ЗАО «Востокпушнина». Оно выступает в качестве соучредителя и в других хозяйствах. Подобная кооперация выгодна обеим сторонам. Общины получают помощь в организации промысла, более выгодный способ сбыта пушнины, «Востокпушнина» за счёт аккумуляции большого числа шкурок снижает расходы по их продвижению на аукцион.

Отказ государства от участия в организации охотничьего промысла породил ещё одну серьёзную проблему — опромышляться стали лишь ближние угодья. Промысловый пресс на таких участках чрезвычайно велик. В то же время не осваиваются отдалённые территории, куда охотники самостоятельно попасть не могут и потому отказываются от охоты вообще. По этой причине лимиты добычи промысловых животных чаще всего не выбираются.

В южных районах Хабаровского края на состояние охотничьего промысла большое воздействие оказывают лесозаготовки, которыми занимаются и коренные народы. В Ульчском районе, например, в них участвует треть национальных общин. Вырубаются участки, выделенные для традиционного природопользования. Под видом общин и по их найму лес рубят промышленные предприятия. Масштабы рубок таковы,

что в некоторых районах уже не остаётся делового леса — даже дом выстроить не из чего [2, с. 17]. По оценкам специалистов, в результате массовых рубок продуктивных лесов следует ожидать сокращения производительности угодий не менее чем на 30% [16], а, следовательно, и дальнейшей деградации охотничьего промысла.

Всё вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Охотничье хозяйство коренных малочисленных народов в современных условиях переживает глубокий кризис. В результате непродуманного реформирования прекратили существование охотхозяйственные предприятия, обеспечивавшие занятость и материальное благополучие коренного населения, сократились объём заготовок продукции охотничьего промысла, количество охотников-профессионалов. Многие охотники из числа коренных народов лишились своих промысловых угодий, уменьшилось государственное финансирование мероприятий по улучшению среды обитания охотничьих животных и их воспроизводству, выросло браконьерство, охотничье хозяйство перестало восприниматься как отрасль экономики. Эти и целый ряд других негативных последствий практически лишают коренные народы возможности вести традиционную хозяйственную деятельность в сфере охотничьего промысла.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Волкова К. Совершенствование правового регулирования в области обеспечения приоритетного права коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на пользование охотничьими ресурсами. 2011. URL: <https://pandia.ru/text/77/422/8154.php> (дата обращения: 12.02.2019).
2. Гаер Е.А., Батянова Е.П., Шпинев В.Н. Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постсоветской действительности. М.: ИЭА РАН, 2014. 64 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 238).
3. Зубарев В.А., Глухов А.И. Роль национальных общин в традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Хабаровского края. 2017. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles/2013/TGU_4_35.pdf (дата обращения: 12.02.2019).
4. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2003. 328 с.
5. Кто пойдёт соболевать? Почему охота становится невыгодным промыслом. 2010. URL: <https://rg.ru/2010/10/07/reg-dvostok/sobol.html> (дата обращения: 12.02.2019).
6. Народовластие: газета Корякского автономного округа. 29 мая 1993.
7. Новые ставки за пользование лесами разорят охотхозяйства Приамурья. 2014. URL: <http://www.ampravda.ru/2014/03/14/047014.html> (дата обращения: 12.02.2019).
8. О состоянии и проблемах правового регулирования традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Парламентские слушания в СФ 28 апреля 2011 года. М.: Издание Совета Федерации, 2011. 172 с.

9. Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980—1989 гг.): стат. сб. М., 1990. 66 с.
10. Основные показатели экономического и социального положения Корякского автономного округа: стат. сб. Петропавловск-Камчатский, 1995. 115 с.
11. Пятьдесят два охотничьих хозяйства в Магаданской области. 2011. URL: https://stfond.ru/news_htm_id_5976 (дата обращения: 12.02.2019).
12. Рассвет Севера: газета Ольского района Магаданской области. 17 декабря 1992.
13. Серебренников В.И., Сухомиров Г.И. Проблемы сохранения традиционных форм природопользования коренного малочисленного народа Приамурья в новых социально-экономических условиях // Амурские эвенки: Большие проблемы малого этноса: сб. науч. тр. Благовещенск: БГПУ, 2003. Вып. I. С. 3—58.
14. Сухомиров Г.И. Охотничье-промысловое хозяйство на Дальнем Востоке // Проблемы современного социального развития народностей Севера. Новосибирск, 1987. С. 135—142.
15. Сухомиров Г.И. Совершенствование организации и управления охотничьим хозяйством России // Вестник охотоведения. 2010. Т. 7. № 1. С. 138—142.
16. Схема размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории Хабаровского края. 2013. URL: http://laws.khv.gov.ru/pdf/00020_29032013_001.pdf?v=0,826 (дата обращения: 12.02.2019).
17. Шарахматова В.Н. Развитие предпринимательства родовых общин на основе рационального использования природных ресурсов Камчатского края. Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2013. 156 с.
18. ГАКК КФ (Гос. арх. Камчатского края — Корякский филиал).
19. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

REFERENCES

1. Volkova K. *Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya v oblasti obespecheniya prioritnogo prava korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii na pol'zovanie okhotnich'im resursami* [Improving Legal Regulation for Ensuring the Priority Right of the Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation to Use Hunting Resources]. 2011. Available at: <https://pandia.ru/text/77/422/8154.php> (accessed 12.02.2019). (In Russ.)
2. Gaer E.A., Bat'yanova E.P., Shpinev V.N. *Korennye malochislennye narody Nizhnego Amura v postsovetskoy deystvitel'nosti* [The Indigenous Peoples of the Lower Amur in Post-Soviet Reality]. Moscow, IEA RAN Publ., 2014, 64 p. (Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii. Vyp. 238 [Studies on Applied and Urgent Ethnology. Iss. 238]). (In Russ.)
3. Zubarev V.A., Glukhov A.I. *Rol' natsional'nykh obshchin v traditsionnoy khozyaystvennoy deyatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Khabarovskogo kraya*. 2017 [The Role of National Communities in the Traditional Economic Activities of the Indigenous Minorities of the Khabarovsk Territory]. Available at: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles/2013/TGU_4_35.pdf (accessed 12.02.2019). (In Russ.)
4. *Istoriya i kul'tura nanaytsev. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The History and Culture of the Nanai. Historical and Ethnographic Essays]. Executive ed. V.A. Turaev. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2003, 328 p. (In Russ.)
5. *Kto poydet sobolevat'? Pochemu okhota stanovitsya nevygodnym promyslom* [Who Is Going to Hunt for Sable? Why Hunting Becomes Disadvantageous Trade?]. 2010. Available at: <https://rg.ru/2010/10/07/reg-dvostok/sobol.html> (accessed 12.02.2019). (In Russ.)

6. *Narodovlastie: gazeta Koryakskogo avtonomnogo okruga* [Democracy (The Newspaper of the Koryak Autonomous Area)]. May 29, 1993. (In Russ.)
7. *Novye stavki za pol'zovanie lesami razoryat okhotkhozyaystva Priamur'ya*. 2014 [New Rates for Using Forests Will Ruin the Hunting Farms of the Amur Region]. Available at: <http://www.ampravda.ru/2014/03/14/047014.html> (accessed 12.02.2019). (In Russ.)
8. *O sostoyanii i problemakh pravovogo regulirovaniya traditsionnoy khozyaystvennoy deyatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka RF. Parlamentskie slushaniya v SF 28 aprelya 2011 goda* [On the State and Problems of Legal Regulation of Traditional Economic Activities of the Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation. Parliamentary Hearings in the Federation Council on April 28, 2011]. Moscow, Izдание Soveta Federatsii Publ., 2011, 172 p. (In Russ.)
9. *Osnovnye pokazateli razvitiya ekonomiki i kul'tury malochislennykh narodov Severa (1980—1989 gg.): stat. sb.* [The Main Indicators of the Development of the Economy and Culture of the Indigenous Peoples of the North The Main Indicators of the Development of the Economy and Culture of the Indigenous Peoples of the North (1980—1989). Collected Papers]. Moscow, 1990, 66 p. (In Russ.)
10. *Osnovnye pokazateli ekonomicheskogo i sotsial'nogo polozheniya Koryakskogo avtonomnogo okruga: stat. sb.* [The Key Indicators of the Economic and Social Situation of the Koryak Autonomous Area. Collected Papers]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 1995, 115 p. (In Russ.)
11. *Pyat'desyat dva okhotnich'ikh khozyaystva v Magadanskoj oblasti* [Fifty-Two Hunting Farms in the Magadan Region]. 2011. Available at: https://stfond.ru/news_html_id_5976 (accessed 12.02.2019). (In Russ.)
12. *Rassvet Severa: gazeta Ol'skogo rayona Magadanskoj oblasti* [Dawn of the North (The Newspaper of the Ol'sk District of the Magadan Region)]. Dec. 17, 1992. (In Russ.)
13. Serebrennikov V.I., Sukhomirov G.I. Problemy sokhraneniya traditsionnykh form prirodopol'zovaniya korennykh malochislennogo naroda Priamur'ya v novykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh [The Problems of Preserving the Traditional Forms of Natural Resources of the Indigenous Peoples of the Amur Region in New Socio-Economic Conditions]. *Amurskie evenki: Bol'shie problemy malogo etnosa: sb. nauch. tr.* [Amur Evenks: Big Problems of a Small Ethnic Group: Collection of Scientific Papers]. Blagoveshchensk, BGPU Publ., 2003, iss. I, pp. 3—58. (In Russ.)
14. Sukhomirov G.I. Okhotnich'e-promyslovoe khozyaystvo na Dal'nem Vostoke [Hunting and Trading in the Far East]. *Problemy sovremennogo sotsial'nogo razvitiya narodnostey Severa* [Problems of the Modern Social Development of the Peoples of the North]. Novosibirsk, 1987, pp. 135—142. (In Russ.)
15. Sukhomirov G.I. Sovershenstvovanie organizatsii i upravleniya okhotnich'im khozyaystvom Rossii [Improving the Organization and Management of Hunting in Russia]. *Vestnik okhotovedeniya*, 2010, vol. 7, no. 1, pp. 138—142. (In Russ.)
16. *Skhema razmeshcheniya, ispol'zovaniya i okhrany okhotnich'ikh ugodiy na territorii Khabarovskogo kraja*. 2013 [Layout, Use and Protection of Hunting Areas in the Khabarovsk Region]. Available at: http://laws.khv.gov.ru/pdf/00020_29032013_001.pdf?v=0,826 (accessed 12.02.2019). (In Russ.)
17. Sharakhmatova V.N. *Razvitie predprinimatel'stva rodovykh obshchin na osnove ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodnnykh resursov Kamchatskogo kraja* [Enterprise Development of Tribal Communities Based on the Rational Use of Natural Resources of the Kamchatka Region. Petropavlovsk-Kamchatskiy]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, KamchatGTU Publ., 2013, 156 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 09.06.2020